Глава 195 Хтонианское Запределье

Сайлас сделал то, что в последнее время делал нечасто - он лег спать. Чаще всего по ночам он учился медитировать, погружаясь в состояние небытия, поскольку это был единственный найденный им способ борьбы с дряхлыми руками времени, а поскольку сон ему почти не требовался, чтобы функционировать, это казалось хорошим выбором. Но по причинам, скучающим глубоко внутри него, он инстинктивно тянул себя ко сну.

Он забрался на дерево, нашел особенно толстую ветку и, прислонившись к мягкому, но твердому стволу, закрыл глаза. Сначала сон был неуловим. Он все еще осознавал все, будь то запахи жареного мяса, несвежего пива или даже лужи рвоты вокруг лагеря, или чувства, которые были острее самого острого клинка.

Но постепенно его беспокойный разум начал успокаиваться и пробиваться вперед через неоспоримое. Не осознавая, что в глубине души он все еще человек, он погрузился в страну снов - хотя для него самого сны уже давно перестали быть снами. Даже когда он засыпал в прошлом, это были ночи без снов и утро без сна. Но в этот раз что-то изменилось, и он понял это почти сразу же, как только осознал, что спит.

Это был первый признак - то, что он знал. Он был ясен, осознавал окружающую темноту, но в то же время знал, что заперт в клетке сна. Темнота, хоть и манящая, вдруг вспыхнула ярким светом - золотистый огонь разгорелся в ничто, и хворост разросся в бушующий дух, похожий на звезду. Но это была не звезда, не дух и даже не огонь - это был глаз, глаз, в котором медленно начала вырисовываться фигура, не поддающаяся описанию.

Это был волк с белоснежным мехом и черной, треугольной мордой и парой обычных ушей. По виду, хоть и красивый, он был обычным белым волком... если бы не глаза и не размер. Ведь Сайлас был ниже, чем единственная радужная оболочка глаза волка, которая с точки зрения Сайласа казалась сродни крошечной черной дыре.

Глаза волка были действительно парой звезд - огромных, горящих, прекрасных, вдыхающих

жизнь в космическое ничто.

Волк молча смотрел на него, его глаза даже не мигали, словно он был статуей. Зверь, похоже, лежал, хотя на чем, Сайлас не знал. Внезапно, как только он начал привыкать к фантазии, которую придумал его разум, еще одна вспышка света потревожила его. Прямо рядом с волком из небытия возник еще один силуэт - это был лев с серебристо-огненной гривой, которая летала по кругу урывками и словно в замедленной съемке. Мех зверя был таким же белым, как у волка, но глаза льва были не золотыми, а скорее сумеречными, словно в них жили галактики.

Лев тоже, казалось, лежал, молча и с любопытством глядя на Сайласа. Два зверя застыли на месте, и не было слышно ни звука - собственно, сама тишина казалась сродни третьему присутствию. Хотя вскоре после очередной вспышки света появилось настоящее. Это был орел, как вскоре узнал Сайлас, его крылья были покрыты голубым пламенем, распространявшимся на необозримые расстояния. Пара глаз была чисто белой, как будто зверь был слеп. Но это было не так. Сайлас чувствовал на себе его взгляд, молча наблюдавший за ним, как и два предыдущих зверя.

Орел стоял на льве, вдвое меньше последнего, хотя, вероятно, сравнялся с ним, когда тот расправил крылья, и льва это, казалось, не беспокоило, как будто это было естественным положением вещей. И, сразу после этих трех, вокруг него начали появляться все новые и новые, увеличиваясь до такой степени, что он сам стал просто огромным глазом. Его человеческое тело было меньше атома по сравнению со всем этим.

Сначала была массивная, древняя черепаха, покрытая мхом и бурдюками, деревьями и джунглями, ее глаза были озерами бесконечной воды и мудрости.

Затем появился величественный тигр, его полосы горели золотым пламенем, а глаза были парой светящихся золотых драгоценных камней.

Затем появился питон, массивная змея, которая, казалось, обнимала остальных зверей, выглядывая из-за дальнего края. Он был полностью черным, как обсидиан, с парой багровых

глаз, казалось, сотканных из крови.

Потом была зимняя лиса, павлин, украшенный радужными перьями, потом черный конь, чьи глаза горели, потом бабочка, чьи крылья были светящимися туманностями, полными захватывающих дух зрелищ. Затем он увидел несколько меньших, например, пару песчаных котов, полностью соответствующих своему облику, но с глазами, сияющими, как лазурное небо, затем снежно-кружевную и эбеново-черную пару сов, у которых были одинаковые, хотя и противоположные пары глаз, а на них - мириады существ, маленьких и больших, и все они были неповторимо прекрасны.

И как раз в тот момент, когда он подумал, что зал заполнен до отказа, произошла еще одна вспышка света, и появилась знакомая фигура - Лань, голову которой украшал ворон. Однако были и отличия, помимо массивности. Ее мех был абсолютно белым, в то время как перья ворона были абсолютно черными, а их глаза переливались: у ворона - багрово-красным, а у лани - чистым сапфиром.

Они были величественны, не менее, если не более, чем все остальные - и он видел, как все они смотрят на него. Нет, они смотрели на крошечную, ничтожную особь, существовавшую где-то внизу. Тщедушное ничтожество, состоящее из плоти и костей. Нечто, что было бессмертным и в то же время могло умереть. Но они... они не могли. Сайлас не знал, откуда он это знает - и знает ли он это вообще, или это просто их величие ослепило его - но он был уверен, что они бессмертны. Ни один клинок не мог рассечь их плоть, и никакое время не могло затмить их разум.

Это были путешественники, или, по крайней мере, так их представлял его разум. Это были не эльдрические чудовища непонятной формы, а нечто более... человеческое. Нет, не люди, а нечто более естественное, но все же возвышенное. Он неумело протянул руку, чтобы дотронуться до них, но хватило ее ненадолго - и тут же последовала еще одна вспышка света, и он понял, что находится уже не в бескрайнем небытии, а на открытой равнине, окруженной со всех сторон летней травой.

И животные, не поддающиеся описанию, больше не были бегемотами, масштабами с галактику в глазах, а были обычного размера - и все они лежали неподвижно вокруг равнины, некоторые смотрели на него, некоторые спали, некоторые ничего не делали. Это был райский уголок

спокойствия и мира, идеальная проекция того, чего Сайлас жаждал сотни и сотни лет.

"Ты сделал нас прекрасными", - внезапно заговорила лань, испугав Сайласа. Хотя он отчетливо помнил ее голос, то, что его разум смог воспроизвести его так идеально... сильно шокировало его. "Бесплотные. Возвышенное. Так вот какими ты нас видишь?" - на него смотрела пара глаз, выжавших из его души всю печаль. Они показались ему странно знакомыми, хотя почему, он не знал.

"Разве ты не такая?" - решил он подыграть любой фантазии, которую придумал его разум.

"Мы можем быть", - сказала лань.

"Мы выбираем быть", - добавил ворон.

"Но это не так? В реальности?"

"То, кем мы являемся... не имеет значения", - сказала лань. "Ты сомневаешься, что ты человек через тысячу лет. Мы провели бесконечное количество жизней в качестве бесконечного количества вещей. Возможно, немногие здесь помнят давно минувшие дни. Хотя, даже в таком разбитом разуме, как твой... видеть себя такими - это ликование".

"...Тогда покажи мне", - сказал Сайлас. "Кто ты".

"Почему?"

"Потому что я хочу знать".

"Почему?"

"Мы действительно играем в эту игру? Тебе не четыре года, я не твой отец, и мы не будем говорить о том, почему идет дождь".

"...Мы бесформенны", - внезапно сказала лань. "И являемся такими, какими нас воспринимают. Знаешь ли ты, почему он ворон?"

"Почему?"

"Потому что мыслящие считали его посланником".

"... разве он не должен быть вороном?"

"Возможно. Но он пожелал быть вороном".

"И ты пожелала стать ланью?".

"Я не знаю".

"Как... ты не знаешь?"

"Почему тебя зовут Сайлас?"

"А?"

"Почему тебя зовут Сайлас?"

"... эээ... Потому что мои родители были слишком увлечены фантазией? Не знаю."

"Я - лань... ибо я всегда была ланью", - сказала лань. "Некоторые из нас такие. Он", - она повернулась и встретилась взглядом с первым зверем, появившимся перед Сайласом, - волком. "Ты чувствовал его раньше, когда ковал свое безумие. Он не волк... он просто безумие. Какова форма безумия?"

"..."

"Но фигура подходящая. Он был бы счастлив".

"Ты хочешь сказать, что я, так или иначе, чувствовал всех этих парней?" спросил Сайлас.

"Да".

"Господи. Как это вообще возможно?"

"Ты когда-нибудь чувствовал любовь?"

"Что?"

"Песочные коты - это любовь, двойственность вожделения и привязанности. Гнев? Злость? Нигилизм?"

"Ладно, ладно. Я понял. Вы, ребята - эмоции в формах".

"... в некотором смысле, возможно".

"Блин. Мой мозг все еще может придумывать всякую чушь".

"Возможно", - сказала лань, когда изображения исчезли. "Ты взглянул на то, кто мы есть в твоем сердце... и ты искал проблеск истины. Вот она".

Не успел Сайлас попросить лань рассказать подробнее, как равнина исчезла совсем, и он снова оказался в темноте - на мгновение занавес раздвинулся, и он увидел ее.

Сайлас проснулся, все еще сидя на дереве. Была глубокая ночь, большинство людей либо спали, либо были в отключке. Воцарилась тишина, кроме завывания ветра вдалеке и редкого рева зверя.

Он уселся, поджав колени к груди и закрыв глаза. Внутри него была слабая дрожь, ужас, забальзамировавший его душу. И все же внутри этого ужаса ничтожности была искра, огонек, упругий зов к чему-то, что он знал. Среди всего этого, среди разросшегося, непознанного, эзотерического и хтонического, он увидел знакомое. Крошечный лучик света в пучине тьмы, сродни маяку в раскинувшемся море, луч лучистого света, указывающий дорогу домой.

http://tl.rulate.ru/book/66231/2951032